

18+

АРТЁМ КРАСНОВ

КИПРЕЙ

Артем Краснов

Кипрей

«Издательские решения»

Краснов А.

Кипрей / А. Краснов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515711-9

Бывший полицейский отправляется в тюрьму строгого режима «Солнцепёк», чтобы оказать услугу заключённому — выполнить последнее желание. В заведении, расположенном под землёй, ничто нормальное не выживает. Но здесь он встречает человека, который меняет его взгляд на нормальность и заставляет по-другому взглянуть на прошлое: на два года, проведённые в горячей точке. Повесть «Кипрей» — это попытка увидеть в осколках жизни отражение другой цивилизации, которая существовала задолго до нас.

ISBN 978-5-00-515711-9

© Краснов А.
© Издательские решения

Кипрей

Артем Краснов

Фотограф Haydan As-soendawu

© Артем Краснов, 2020

© Haydan As-soendawu, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-5711-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знакомый полковник, узнав о моих планах, нахмурился:

– Остров Тюремный? Не надо тебе туда. Откажись.

– Уже не могу. Согласился.

– Место такое, знаешь... – он покрутил рукой, и лицо его скисло, как от неприятного запаха. – Одни психи.

Слова полковника лишь воспалили во мне азарт. Я был в прозекторских, крематориях и полевых госпиталях. Я был в местах, где дефицит времени и обезболивающих оправдывал всё что угодно. Подземелья «Солнцепёка» если и пугали меня, то с этим страхом интересно иметь дело.

– Не в страхе дело, – отмахивался с досадой полковник. – Не в страхе! С дисциплиной там строго. Просто оттуда нормальными-то не возвращаются. Тебя там наизнанку вывернет.

– От чего вывернет?

– От того. Знаешь, сколько внутри нас... Лучше не трогать.

– Мне ненадолго надо, – возразил я. – На сутки-двое.

– А тебе хватит.

Меня это тогда задело. Полковник сменил тему.

* * *

В безветренную погоду гладь озера Черёмушки казалась гигантской чашей смородинового желе. Мы медленно скользили от пристани. Судно на воздушной подушке двигалось полубоком, растёгивая на поверхности воды белую молнию. Остров Тюремный не приближался, а проплывал перед нами, как затяжная панорама в кино.

Треск судна оглушал, оставляя лишь монотонные вибрации внутри черепа. Водитель пригибался к рулю. Его длинные войлочные усы скользили по баранке. Беспокойный взгляд следил за температурой масла.

Внезапно он заглушил мотор.

– Грется, зараза! – проворчал он, выбираясь на боковой понтон.

Тишина навалилась с неожиданной силой. Звуки проявились не сразу. Под днищем захлопала вода.

Я выбрался на понтон. Белый шрам позади нас быстро зарастал, склеенный у горизонта лейкопластырем неба. Издали неслись металлические звуки, словно кто-то бесцельно лупил железкой по наковальне. Остров Тюремный с этой точки казался плоским блином, приплюснутые строения которого накрывали свинцовые облака, словно закатывали его в землю. Главные помещения действительно располагались внизу, в бетонном каркасе тюрьмы «Солнцепёк»,

уходящей под землю на десятки метров. Отсюда, с воды, постройки напоминали лагерь вахтовиков.

Когда-то на месте тюрьмы был холм. Его частично срезали при строительстве, а окрестные низины затопили, превратив небольшое озеро Черёмушки в гигантское тёмное кольцо, хорошо заметное на спутниковых картах. Центр кольца называли остров Тюремный.

Метрах в тридцати из воды выступала фигура, похожая на садовое чучело или сутулого узника. Я различил в толще воды купола церкви. Выступающий над водой крест был замотан мусорным пакетом.

Название «Солнцепёк» удивительно не подходило учреждению, расположенному в широтах, где осень наступает в начале августа. «Солнцепёк» был тюрьмой строгого режима, государством в государстве, территорией со своими правилами или вообще без них. Даже в нашем ведомстве о «Солнцепёке» знали не все, гражданские же о нём почти не слышали. Через бетонные стены не просачивались ни сведения, ни слухи, что давало почву для самых рискованных предположений.

Зачем я стремлюсь в такие места? Я и не стремлюсь. Есть работа и я готов её выполнить. Но можно было отказаться, разве нет? Можно было. И всё же меня тянет сюда неодолимо. Я не могу устоять перед искушением испытать ужас, который рождается в этих влажных подвалах, испытать и преодолеть. Мой психотерапевт называет это посттравматическим синдромом, эхом войны.

Но может быть, я стремлюсь сюда, потому что не верю в благополучие. Не верю в возможность спокойной жизни. Благополучие всегда идёт за чей-то счёт. Я просто пытаюсь понять, за чей.

Водитель сплюнул, влез в кабину, и мотор снова загрохотал. Они используют эти оглушительные машины, чтобы ни одна переправа не осталась незамеченной.

Мы поплыли к острову, приближаясь к нему по плавной спирали, словно прямые здесь не были коротким путём. Около берега озеро стало удивительно прозрачным. На дне мелькали артефакты прошлой жизни: чудом устоявшие заборы, остовы хат и усатый от водорослей скошенный знак «Уступите дорогу». На мелководье стоял полузатопленный гусеничный трактор. Его нижняя часть обросла мохнатым илом, словно он натянул до живота реикузы.

У самой пристани огромное металлическое сооружение напоминало козловой кран. Цепи на поперечной балке дрогнули, когда судно, поднимая фейерверки брызг, прошло под ней, выскользнуло на заиленную площадку и плюхнулось на бетон. Водитель заглушил мотор.

В наступившей тишине прорезался странный звук, протяжный и слабый. Так ноют умирающие деревья, хотя деревьев вокруг не было – берег острова Тюремный покрывал крупный неряшливый песок.

* * *

Начальник караула долго изучал мои документы, смотрел их на просвет и сверял с ведомостями. Потом снял трубку старого телефона, повернул диск и принялся слушать. На том конце словно работал эмоциональный автоответчик, и голова начальника постепенно наливалась свинцом. Решение казалось ему невыносимым. Рука стискивала печать, будто он готовился утвердить смертный приговор.

– Какие-то проблемы? – спросил я.

Начальник промолчал, глянув мне в область живота. Скоро он положил трубку, сбил документы стопкой и передал сопровождающему, так и не взглянув мне в лицо.

Во внутреннем дворе караульные вышки имели разную высоту и форму, словно их возвели ради архитектурного конкурса. В остальном территория напоминала военный гарнизон с низкими казарменными постройками и аккуратным зданием в центре, бордюры и рамы кото-

рого были старательно подведены белой краской. Ровность и белизна линий были демонстративны, как парадный мундир полковника, чьи войны давно в прошлом.

Меня сопровождал лысый сотрудник. Его затылок выступал так сильно, что в профиль напоминал знак вопроса. Вопросительным было и его лицо. Он поминутно вглядывался в меня с дурной весёлостью, словно ждал анекдота, и сыпал вопросами, не дожидаясь ответов:

– Оттуда, да? – хитро кивал он в сторону воды. – Как там? Ну, как вообще?

Глаза его светились любопытством, словно бы ответы были заранее известны и он ловил меня на лжи.

– Нормально, – ответил я.

– Сам из местных? А наших видел?

Пока я думал над ответом, он вдруг понизил голос до шёпота и проговорил, почти не шевеля губами:

– Слышишь, какое эхо?

Мы проходили небольшой плац в клещах двухэтажного здания. Я не ответил. Он вдруг остановился на углу, вгляделся в меня, и улыбка расплзалась по лицу, как порез:

– Холодно, холодно ёлочке зимой! – запел он, пританцовывая. – Мёрзнешь, да? Мёрзнешь. Одеваться надо!

Мысль приводила его в восторг. Я отвернулся, оглядывая низкие казармы в просвете между зданий. Вдруг он посерьёзней и снова возник рядом:

– А этих видел? Которые здесь?

Теперь в его глазах был страх.

– Не видел ещё.

– Сочувствуешь?

– Нет.

– Ты к Стеклорезу?

– Да.

– А стекло у тебя где? – захихикал он. – Стекло с собой надо брать!

Я не ответил. Юродивый он какой-то.

Мы обогнули здание и оказались на пустыре, в центре которого виднелся провал с тремя рядами колючей проволоки по периметру.

– Это небо, – заявил сопровождающий.

– Небо? – не понял я.

Он мелко засмеялся:

– Ну, небо, небо... Небеса. Вот это всё. Так они называют. Сами они вон там, в яме гуляют, – он кивнул в сторону провала. – Там семь метров. Скребутся, наверх смотрят и плачут: там небо, небо, небушко... Хочу туда! Это всё небо, – он обвёл рукой пустырь и снова затрясся от смеха. – Все сюда стремятся! А их не пускают! Не пускают! – хрюкал он.

На полуслове он вдруг ускорил шаг и почти побежал к низкому бетонному сооружению, в котором угадывалась верхняя часть подземного комплекса «Солнцепёка».

Мы вошли. От решёток шагнул к нам человек в сером, который слился бы с обстановкой, если бы не белые перчатки, порхавшие в полумраке. Сопровождающий весело хмыкнул и протянул ему документы, но дневальный лишь указал в сторону стола, требуя положить. Он брезгливо поковырялся в них авторучкой, кивнул и принялся отпирать решётку, касаясь прутьев нежно, словно успокаивал дикого зверя. За решёткой на отдалении была ещё одна. Мы вошли в узкий промежуток, и белые перчатки принялись тщательно закрывать замок первой решётки, ласково поворачивая ключ, прислушиваясь, поглаживая прутья. Дневальный многократно проверил работу, касаясь решётки сначала осторожно, а потом всё более настырно. Лицо его оставалось предельно сосредоточенным. Он считал про себя: раз, два, три...

Удовлетворившись, он взялся за вторую решётку, поворачивая ключ так мягко, будто резал провод взрывного устройства. Пропустив нас, он запер решётку и снова долго проверял её рукой. Губы его шевелились: он словно уговаривал чертей внутри себя не делать зла.

Мы двинулись вниз по узкой лестнице. Воздух стал прохладным и сырым. Это была особенная прохлада, которая шла сразу изнутри, от желудка, распуская щупальца по всему телу.

«В учреждение давящая обстановка. Персонал отличается странностями, на сотрудничество идёт, значимых нарушений не допускает», – проговорил я про себя фразу из воображаемого отчёта. Сухость формулировок помогала мне справиться с эмоциями ещё со времён службы. В отчёты не попадают страхи новобранцев. В отчете пишут:

«Рота попала в окружение превосходящих сил противника. Началось боестолкновение. Цели оставались невидимыми. Второй взвод вел беспокоящий огонь».

Казёнщина отчётов спасала нас от паники в обстоятельствах, которые человеку с задатками драматурга показались бы кровавой баней.

С лестничного пролёта мы вышли в коридор, напоминающий обычное учреждение. У одной из дверей сопровождающий остановился, толкнул её и кивнул на стоящий у стены стул, возвращая документы. Хитрая улыбка не сползала с его лица.

Я вошёл и сел. Дверь закрылась. Хозяин кабинета, полный сотрудник в форме, располагался за столом, позади которого было нарисованное мелкими окнами с кактусом на подоконнике.

Человек поднял на меня слюдяные глаза и несколько секунд разглядывал хмуро и без удовольствия. Я протянул документы. Он указал место на столе. Я положил.

Слюдяные глаза опустились в раскрытый журнал, который он прикрывал руками, будто боялся подглядываний. Усмешка пробежала по его губам, как электрический разряд. Ещё один пробой. Ещё. Он или смеялся, или беззвучно рыдал, лицо его краснело, и всхлипы вылетали изо рта вместе со слюной.

Неожиданно он зашёлся долгим смехом, неестественно ровным, как стук вагонов, перешедшим в приступ кашля. Пачка таких же тонких глянцевого журналов лежала рядом на столе – это было бульварное чтиво с телепрограммой, светскими новостями и анекдотами на последней странице. Их он, похоже, и читал.

Вдруг он успокоился, вытер губы платком, взял документы и принялся раскладывать из них странный пасьянс.

– К Стеклорезу? – хмуро спросил он.

– Да.

– Что с собой?

Я выставил на стол чемодан с инструментами. Он долго разглядывал содержимое с видом шахматиста, делающего сложный выбор.

– Это всё? – спросил он подозрительно. – Так мало?

– Всё, что разрешили, – ответил я.

Он захлопнул чемодан и нажал кнопку на стене. Его снова мучил смех, губы дёргались, как от нервного тика.

Дверь открыл низкий человек в такой же серой форме, подпоясанный и прямой. Я плохо видел его – он прятался в тени коридорных ламп. Начальник нетерпеливо махнул мне рукой – на вход! Он еле сдерживал рыдания, и едва мы вышли, упал на стул, дрожа от немого хохота.

Голос позади, усиленный коридором, рявкнул:

– Впрёд!

Мы шли молча. Новый сопровождающий держался позади, изредка указывая направление скупым голосом, экономия при этом гласные. Он обладал талантом не попадать в поле зрения, и даже когда мы спускались по лихо закрученной винтовой лестнице, исчез за её центральной колонной.

– Впрёд! – доносилось словно из ниоткуда.

Мы вышли в огромное помещение, часть которого занимали просторные зарешеченные камеры-одиночки. Попытки заглянуть в них пресекались окриками сзади. Свет в камерах был глухим, словно шёл не от ламп, а был остатками другого света, что много лет растворялся в этих стенах. Люди сидели или лежали на нарах в полутьме, не проявляя к нам интереса. Нас словно разделяло зеркальное стекло. Так жуки не замечают наблюдателя за бликами очков.

Лишь один из них прильнул к решётке. Он показался мне стариком с седой, коротко остриженной головой и безобразно распухшими суставами цепких пальцев. Но вблизи лицо его оказалось молодым, просто очень худым. Ясный, почти детский взгляд наблюдал за мной с тревогой и любопытством, словно ребёнок смотрел на интересного незнакомца. Взгляд казался сочувственным.

– Зря ты, – прошептал человек, когда я оказался рядом. – Зря.

– Млчать! – рявкнул голос и что-то звонко ударило по решётке.

Парень отпрянул.

– Не соглашайся, – проговорил он отчётливо.

Слова шевельнули меня изнутри. Этот ссутуленный старик с лицом школьника казался нормальнее, чем все, кого я видел здесь до сих пор.

Коридор, по которому мы двигались, вёл в тупик. У последней камеры голос потребовал:

– Стянуть! Лицом к решётке!

Я резко обернулся, но конвоир словно ждал этого, отступил и упёрся мне в спину дубинкой или электрошокером.

– Не дури! – голос его впервые окрасился в цвета гнева.

– Вы ошиблись, – проговорил я стальным голосом.

Дать этому идиоту с локтя в нос? Нет, терпи.

– Я здесь не за этим, – добавил я. Голос мой потрескался от гнева.

– Ма-алчать! Вну-утрь! – рявкнул он, растягивая теперь гласные.

Лязгнул механизм решётки, створка сдвинулась вбок, открывая просторную камеру. Два спальных места и туалет в углу занимали лишь малую её часть.

– Старшего позовите, – потребовал я, не двигаясь.

– Чё, борзый? – прошипел голос.

– Вы ошиблись.

– Вшёл!

Он так и сказал – вошёл.

– Зря ты... Зря ты... – повторял седой подросток.

Секунда растянулась. Ахиллес не мог догнать черепаху. Я словно пытался проснуться, но ощущал лишь паралич. Ошибкой было не моё согласие приехать. Ошибки случились раньше... Я ведь знал, что так и будет. В решётках есть привлекательность. Решётки избавляют от сложных решений. Решётки снаружи позволяют снять решётки внутри себя. Здесь не надо будет мучиться. Здесь ты осуждён, а значит, прощён.

– Кириллов! – раскатилось по залу. – Да не он это!

Я хотел повернуться, но не сумел. «Ты уже арестант», – мелькнуло в голове.

– Кириллов, что ты к нему прицепился? – снова возмутился голос. – Этого ко мне давай!

– Налво! – скомандовал Кириллов без тени смущения, снова перейдя на свой экономичный диалект.

У винтовой лестницы стоял человек, одетый по-дачному в лёгкую куртку, трико и шлёпанцы. После сатаны Кириллова он выглядел удивительно живым и подвижным. Жесты его были нетерпеливы: он приказал Кириллову идти, и тот растворился, так и не дав себя разглядеть.

– Маркизов, – протянул мне руку человек. – Пётр Алексеевич. Начальник отделения. Пойдёмте.

Маркизов был невысокого роста, покатый и чуть суетливый. Он говорил без умолку, то ли маскируя неловкость, то ли соскучившись по собеседнику.

– А вы слышали историю «Солнцепёка»? Не слышали... – довольно улыбался он. – Сто лет назад здесь вокруг были золотые прииски. Здесь такие вещи творились! Когда строили «Солнцепёк», находили кости людские. Каторжники мыли. Вы знаете, как тогда мыли? Вот так просеивали, – он показал как. – Один-два грамма за смену. Когда-то давно сюда приезжал Стрекович. Слышали про Стрековича?

Я почти не воспринимал его. Я добавил в свой мысленный отчёт:

«Коммуникация на уровне средних начальников налажена плохо. Конвоиры проявляют своеволие. Руководитель подразделения склонен к риторике».

– Не бойтесь? – услышал я настойчивый вопрос.

– Простите?

Мы стояли на пересечении коридоров: широкого и освещённого, по которому пришли, и уходящего в темноту узкого прохода.

– Не побоитесь дойти один? – кивнул Маркизов. – Тут недалеко: метров тридцать. Подождите там. Мне нужно распорядиться. Это ненадолго. Идите-идите. Или бойтесь?

Я шагнул в проход. Темнота была настолько плотной и холодной, что я перестал видеть пар изо рта. Я оглянулся: светлый проём позади был пуст.

Я добрался до стены, ощупал её. Коридор поворачивал налево. В слабом свете я разглядел старую мебель, за которой виднелся выход. Я протискивался между старых кресел, этажерок и деревянных балок, когда дверцы старого шкафа внезапно распахнулись и что-то скрюченное кинулось на меня с бешеным лаем. Я шарахнулся в сторону и дёрнул руку к несуществующей кобуре на поясе, но тут узнал в горбатом существе Маркизова. Он хохотал, приседа от восторга:

– А говорили не заботитесь! – хрюкал он. – Вот такие у нас тут коридорчики! Коридорчики-чики, голубчики-чики!

Потом он угас и посмотрел на меня с укором, словно я недостаточно оценил его шоу. Я молча двинулся вперёд. Несмотря на выходку Маркизова, пульс мой не участился. Я словно ожидал чего-то подобного.

«В подразделении балаганная обстановка, руководитель экзальтирован и неуравновешен», – добавил я в отчёт.

В кабинете Маркизова мы пили чай с сухарями, сделанными из засохшего хлеба с изюмом. Маркизов ломал сухари на много частей, удаляя весь изюм. Процесс поглощал его полностью: он даже умолк на время. Сморщенные комочки валились на лист бумаги. Горка походила на кладбище тараканов. Очищенные сухари Маркизов вымачивал в чае и блаженно жевал.

Добытый изюм Маркизов пересыпал в прозрачную тару, которая стояла рядом с банкой, полной мраморной щебёнки или каких-то мелких предметов. Заметив мой взгляд, Маркизов оживился:

– Ну, что это? – он взял банку и высыпал на ладонь несколько белых катышков.

– Зубы? – удивился я.

– Ага! – воскликнул он. – Видите?

Он взял коренной зуб, хорошо сохранивший форму, и стал маршировать им по ладони.

– Приходят с зубами, а уходят налегке.

Лицо моё, видимо, стало мрачным. Он опять рассмеялся:

– Да бросьте вы! У нас тут стоматологический кабинет работает. Всё по врачебным показаниям. Хорошо работает, надо сказать! Я сам к ним хожу.

Работал кабинет действительно неплохо. Банка была полной на треть.

– Странно это всё, – проговорил я нехотя, решив начать с косвенной критики. – Этот ваш Кириллов с катушек съехал? Если бы вы не появились, он бы запер меня?

– Это же его работа, – ухмыльнулся Маркизов, отхлёбывая чай.

– Запирать посетителей? Без приказа? Невинных?

– Невинных? – переспросил Маркизов. Хитрое выражение застыло на его лице.

Я держал его нахальный взгляд:

– Послушайте, от вашего руководство поступил запрос. Я согласился выполнить работу. Если ко мне какие-то претензии...

– Так прекрасно! – перебил Маркизов, словно наконец-то осознал, зачем я здесь.

Он поднял телефонную трубку, крутанул диск и несколько секунд молча слушал, а потом рывкнул:

– Чтобы через час было!

Он хлопнул трубкой и несколько секунд приходил в себя от захлестнувшей его ярости, оставившей на щеках красные ожоги. Успокоившись, он вдруг спросил с необычайным любопытством, словно речь шла о чём-то тайном и чрезвычайно важным:

– Так сколько же времени вам нужно?

– Зависит от сложности татуировки. Мне не прислали эскизов.

– Эскизы он сам отдаст. Так сколько времени?

– Восемь часов, – ответил я, чтобы отвязаться.

Маркизов оживился:

– Может быть, экскурсию хотите? У меня есть доступ в старую часть тюрьмы. Да-да, ту самую.

Я понятия не имел о чём речь и ответил сухо:

– Пётр Алексеевич, я бы предпочёл сфокусироваться на работе и покинуть расположение «Солнцепёка» не позднее завтрашнего утра.

– Воевали, – кивнул он словно бы с уважением. – Юридический факультет, полиция, опергруппа. Знаю, знаю про вас! Следователь, старший следователь, начальник отдела. Как же вас занесло в кольца?

– Занесло вот.

– Разжаловали?

– Нет, ранняя пенсия. Не захотел продолжать.

– Не нравится вам наш уклад? – сощурился Маркизов.

– Буду откровенен, я привык к большей предсказуемости.

– Предсказуемости... – проговорил он медленно, аж причмокнув, словно пробовал сахар после долгого перерыва. – Тут контингент такой, что с предсказуемостью не всегда получается...

Он встряхнул банку с зубами. Банка издала дробный звук. Маркизову понравилось. Он потряс ещё.

– Это вопрос дисциплины и авторитета начальства, – ответил я, чувствуя, что напрасно влезая в дискуссию о менеджменте.

– Да ладно они! – махнул он рукой в сторону. – Их-то задавить несложно. Что с собой делать? – он перешёл на хриплый шёпот. – Они из тебя жилы вынут даже через решётку. Да ещё эта масса над головой знаешь, как давит?

Над нами, по моим прикидкам, было метров десять бетонных перекрытий «Солнцепёка».

– Действует на нервы? – спросил я, добавив в голос чуть-чуть участия.

– Да при чём тут нервы? – отмахнулся Маркизов, снова веселясь. – Нервы у нас покрепче твоих будут, товарищ подполковник. Я же с тобой не просто так говорю. Я же тебя готовлю. Сам-то что думаешь: выдержишь Стеклореза? Он тебе мозги-то вывихнет. Потом не жалуйся.

– А что с ним такое?

– Что такое? Срок за убийство 17 человек. Тебе мало?

– Я это знаю. Он буйный?

Маркизова вдруг осенила мысль:

– Так мы привяжем его! – он снова схватился за телефон, набрал поспешно номер и крикнул в трубку: – В смотровую №8 его. Я сказал, в смотровую! И зафиксируйте как надо.

Лицо его опять вспыхнуло гневом, но быстро потухло: щекочущий звук банки с зубами успокаивал его.

– Так в чём дело? – отвлёк я его от злых мыслей. – Что мне нужно знать о Стеклорезе?

– Разговаривает он странно. А ты не слушай. Дурачка включать умеешь? Вот и побудь дурачком. С дурочка и спросу нет, ага!

Он хлопнул банку на стол, вскочил и провозгласил:

– Ну что, пора!

Я встал и двинулся в сторону выхода, но дверь кабинета оказалась заперта. Я обернулся. Маркизов стоял возле стола с выражением невинной шалости на лице.

– Закрыто, да? Ну, как поступишь, подполковник?

– Послушайте...

– Знаю, знаю, – оборвал он. – Гляди-ка.

Маркизов распахнул дверь стенового шкафа, в нижней половине которого был метровый лаз в соседнюю комнату. Мы перебрались почти на корточках.

– Неплохо, а? – подмигнул Маркизов. – Запасной выход.

Мы вышли в коридор. Маркизов шагал чуть позади меня.

– Неужели в вашем учреждении нет своих кольчиков? – спросил я.

– Есть. Но он захотел тебя.

– Вы могли отказать.

– Да ты что? – изумился Маркизов. – Одно желание мы выполняем. Это закон.

– Последнее желание?

Маркизов не ответил.

* * *

По распоряжению Маркизова меня отвели в столовую, где назойливо пахло тушёной капустой, а воздух был густым и будто съедобным. Здесь меня ждал сносный обед под присмотром сотрудника кухни, который деликатно сидел в стороне, лишь изредка поднимая глаза. В них читалось изумление или вопрос, я на всякий случай кивал, из чего он делал выводы и погружался в задумчивость.

Что не так с этим местом? Ничего особенного. Просто люди. Люди в состоянии моральной невесомости, когда верх и низ много раз поменялись местами. Обычные люди, привыкшие жить в изоляции, где нет примеров для подражания, где нужно опереться на что-то внутри себя, что без внешнего каркаса становится рыхлым и податливым.

«Солнцепёк» – гигантский морозильник человеческих душ, где под коркой льда кипит всё, чему нет выхода наружу. Кипение просвечивает в их прозрачных взглядах. Кипение я ощущаю в себе. Оно способно довести до слёз, но слёзы здесь слишком быстро замерзают. Кипение сменяется привычкой равнодушия, практичной, как алюминиевая ложка, как стоптанные сапоги. У каждого здесь свой способ маскироваться.

«В хозяйственном и пищевом блоке относительный порядок», – появилось в моём воображаемом отчёте.

После столовой меня ждал другой сопровождающий, крупный, с широкими ладонями и мясистым лицом. Обычно такие лица румяны, это же было восковым и безучастным. Вся жизнь сосредоточилась в его бёдрах, жировые складки которых перекачивались при ходьбе, как тюки навьюченного осла. Обмундирование как у Кириллова заставило меня напрячься, однако новый сопровождающий не прятался за спиной и не отдавал приказаний. Он шёл рядом,

что-то нашёптывал и временами целовал деревянный крест с распятием, зажатый в пухлой руке. Моё присутствие его не волновало. Он был вагонеткой, я – очередной порцией угля.

Смотровая №6 походила на медицинский кабинет и тревожно пахла хлором. Стены украшали старые анатомические плакаты, на одном из которых, самом крупном, был показан человек с открытой брюшиной. Его печень, желудок и кишечник напоминали плотно упакованный чемодан.

На кушетке лежал человек. Широкие ленты стягивали его запястья и лодыжки, а нижнюю половину лица охватывала маска, под которой угадывался провал рта. Материя едва заметно двигалась, словно под ней набирал силу вулкан. Человек не шелохнулся, продолжая глядеть в потолок.

Сопровождающий склонился над его лицом, сопя и обдавая запахом чеснока, который почувствовал даже я. Он подёргал стяжку рук и ног, словно проверял упряжь собак, отошёл к двери и замер, продолжая неразборчиво шептать. Рука сжимала деревянный крест напряжённо как эфес невидимой шпаги.

Стеклорез был худым и жилистым, каким я его и представлял. Несколько шрамов рассказывали его историю, особенно разрез с пятнами от грубых нитей, идущий сбоку живота. Штопал его не врач.

Кличка Стеклорез появилась у него ещё до тюрьмы. В рабочее время он действительно резал стекло на центральном рынке, в нерабочее – людей, и делал это, вероятно, с одинаковым азартом. Но это было лет тридцать назад. Других подробностей его биографии я не знал. «Меньше знаешь – твёрже руки», – хохотнул один полковник, проставляя печать на пропуске «Солнцепёка».

Сейчас Стеклорез был похож на жука, засушенного для коллекции. Пафос его клички рассеивался настоящим именем – Алексей Кроликов. Я добавил в мысленный отчёт:

«Заключённый Кроликов находится в смотровом медицинском кабинете в сознании, тело полностью зафиксировано, поведение спокойное».

Буду звать его Кроликов.

Я встал у кушетки. Кроликов отреагировал быстрым взглядом, словно впервые заметил, и его тёмные глаза с короткими, но частыми ресницами, ухмыльнулись.

– Где эскизы? – спросил я ровным голосом, адресуя вопрос и Кроликову, и сопровождающему. – Мне ничего не передавали заранее. Это осложняет работу.

– Эскизы там, – Кроликов скосил глаза в сторону этажерки, на верхнем ярусе которой лежало несколько листов. – Почему это осложняет работу?

Голос его был почти мягким.

– Потому что не каждый рисунок можно превратить в татуировку. Эскизам заказчика обычно требуется корректура.

Я принялся разглядывать чернильный рисунок, сделанный твёрдой и умелой рукой, которая сумела придать каждому изгибу правильную стрелу и натяжение. Композиция смотрелась законченной и почему-то знакомой.

– Требуется корректура? – спросил Кролик.

– Практически нет, – ответил я. – Придётся чуть разредить верхнюю часть. Вы сами рисовали? Очень неплохо.

– У меня много времени для упражнений.

Я всмотрелся в рисунок. Это был не воровской символ, не купола, не анатомическое изображение сердца, не нагромождение геральдических символов. На рисунке было полевое растение, выполненное в схематичной технике, словно иллюстрация из справочника трав. Пирамидальная крона на высоком стебле состояла из пятилистных цветков, которые Кроликов прорисовал с высокой тщательностью вплоть до мелких зародышей наверху. Волнистые края смотрелись живо, словно их колыхал лёгкий ветер.

«Профессиональная работа», – подумал я с лёгкой завистью.

Странное чувство охватило меня. Эта техника или сам рисунок словно встречались мне где-то, но на ум не приходило ничего конкретного. Солнечный день и блик на стене. Ветер разносит пыльцу растений. Какой-то день из детства? Может быть, привал во время марш-броска? Летнее кафе на проспекте? Кафе, кафе... Ветер треплет узор женского платья. Фигура под ним неуловима, словно сама состоит из этого ветра. Нет, что-то другое. Не важно. Я вернулся к рисункам.

Кроликов подготовил схему нанесения татуировки: цветок требовалось поместить точно над сердцем. Для вертикального рисунка лучше подходило плечо, но я не стал спорить.

– Что это за растение? – спросил я.

– Кипрей расветный, – ответил Кроликов. – Эпилобиум прима люце. Новая благодать.

– Ясно, – кивнул я, раскладывая на столике инструменты.

При упоминании «благодати» лицо сопровождающего стало презрительным. Вперив взгляд поверх нас, он снова жевал бесцветными губами, прижимая к ним крест. Вскоре он вышел, прикрывая руками подвижные ляжки, словно прятал там два пистолета.

Пока я возился с инструментами, натягивал перчатки и протирали его выбритую кожу спиртовым раствором, Кроликов молчал, словно бы заснул. Нанося разметочные штрихи маркером, я чувствовал на запястье его пульс – единственный признак, что он ещё жив.

Повторяя чужой рисунок, непроизвольно перенимаешь образ мысли автора. То же самое происходит с книгами. Так мы пытаемся настроиться на одну волну друг с другом, но преуспеваем редко.

Мне нравилась техничность рисунка, но его простота граничила с бессмыслием. Может быть, простота была проявлением душевной болезни. Может быть, у Кроликова неразвита часть головного мозга, отвечающая за сложные образы. Или мир, оставшийся там, на «небе», утратил для него рельефность и цвет, и остался лишь этот образ, как застрявшая в скале доисторическая ракушка.

Это не моё дело. Моё дело – не навредить.

Я провозился не больше часа и поместил над лицом Кроликова зеркало, чтобы он видел маркерный эскиз.

– Вот здесь, – показал я фрагмент у вершины, где соцветия были особенно мелкими, – получится сделать лишь контур. Так тонко не прорисовать.

Кроликов кивнул. Он оказался идеальным клиентом. Почему-то он мне доверял.

Я установил потвёрже табурет, настроил лампу, тщательно протёр кожу, нанёс специальный состав, похожий на вазелин, и сделал пробный штрих машинкой. Кроликов напрягся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.